

«Скифский роман» И. В. Фабрициус: творческие материалы в личном фонде ученого¹

В. Н. Кузнецова²

Аннотация. В статье рассматриваются творческие материалы, входящие в состав личного фонда И. В. Фабрициус. Среди документов — обрывки стихотворений, рукописи «Великий Новгород и немецкие рыцари (Первый разгром немцев — Ледовое побоище 1242 г.)» и «Скифский роман» (сценарий) (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 68, 69, 70). В произведениях нашли отражение научные интересы И. В. Фабрициус, переживания, связанные с трагическими событиями Второй мировой войны, и яркий живой слог автора.

Ключевые слова: И. В. Фабрициус, творческое наследие, Вторая мировая война, Геродот, архивные документы, Скифский роман, Александр Невский.

DOI 10.31600/1817-6976-2022-37-245-253

Археология оказывается бесконечным источником вдохновения не только для научных работ, но порой и для творческой стороны жизни ученого. В составе личного фонда И. В. Фабрициус (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61), помимо писем, рецензий, разнообразных документов, связанных с научной и экспедиционной деятельностью исследовательницы, хранятся и немногочисленные творческие материалы. Среди документов — стихотворения и две рукописи: «Великий Новгород и немецкие рыцари (Первый разгром немцев — Ледовое побоище 1242 г.)» и «Скифский роман» (сценарий) (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 68, 69, 70) (рис. 1).

На первый взгляд, в контексте всей научной биографии И. В. Фабрициус рукопись «Великий Новгород и немецкие рыцари (Первый разгром немцев — Ледовое побоище 1242 г.)» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 69) вызывает некоторое недоумение. Внимание автора вдруг отрывается от Приднепровья и Причерноморья, скифского,

сарматского и античного миров и обращается к средневековому Северо-Западу.

Однако едва ли рукопись, посвященную событиям 1242 г., можно назвать научной статьей, в ней отсутствует библиографический аппарат, равно как и анализ источников. Скорее работу можно охарактеризовать как эссе. Впрочем, этот текст в тонкой тетради в линейку примечателен не своей научной новизной, а эмоциональной составляющей и контекстом своего возникновения. На обложке рукописи проставлена дата: «16-IV-43». Текст появился во время Второй мировой войны и, вероятно, не лишен аллюзий на фильм С. М. Эйзенштейна «Александр Невский» 1938 г.,³ показ которого возобновился после 22 июня 1941 г., а также на брошюры и агитационные плакаты военного времени, в которых активно использовался образ древнерусского князя. Фигура Александра Невского в советской антифашистской пропаганде подробно рассматривается в монографии Ф. Б. Шенк (2007). Как отмечает И. В. Земцова, анализируя объединяющие символы

¹ Исследование проводится при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00187, <https://rscf.ru/project/22-18-00187>) «Неопубликованная «Карта по археологии Причерноморья» И. В. Фабрициус (архивные документы, междисциплинарные исследования, современные интерпретации)».

² Научный архив, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; valentkuznets@mail.ru.

³ Ф. Б. Шенк о возвращении фильма на экраны пишет следующее: «„Александр Невский“ Сергея Эйзенштейна пережил в эти годы второй пик популярности. Нужно учитывать, что фильм показывали в свободной от оккупантов части страны, в импровизированных кинозалах и под открытым небом на фронте» (Шенк, 2007. С. 409).

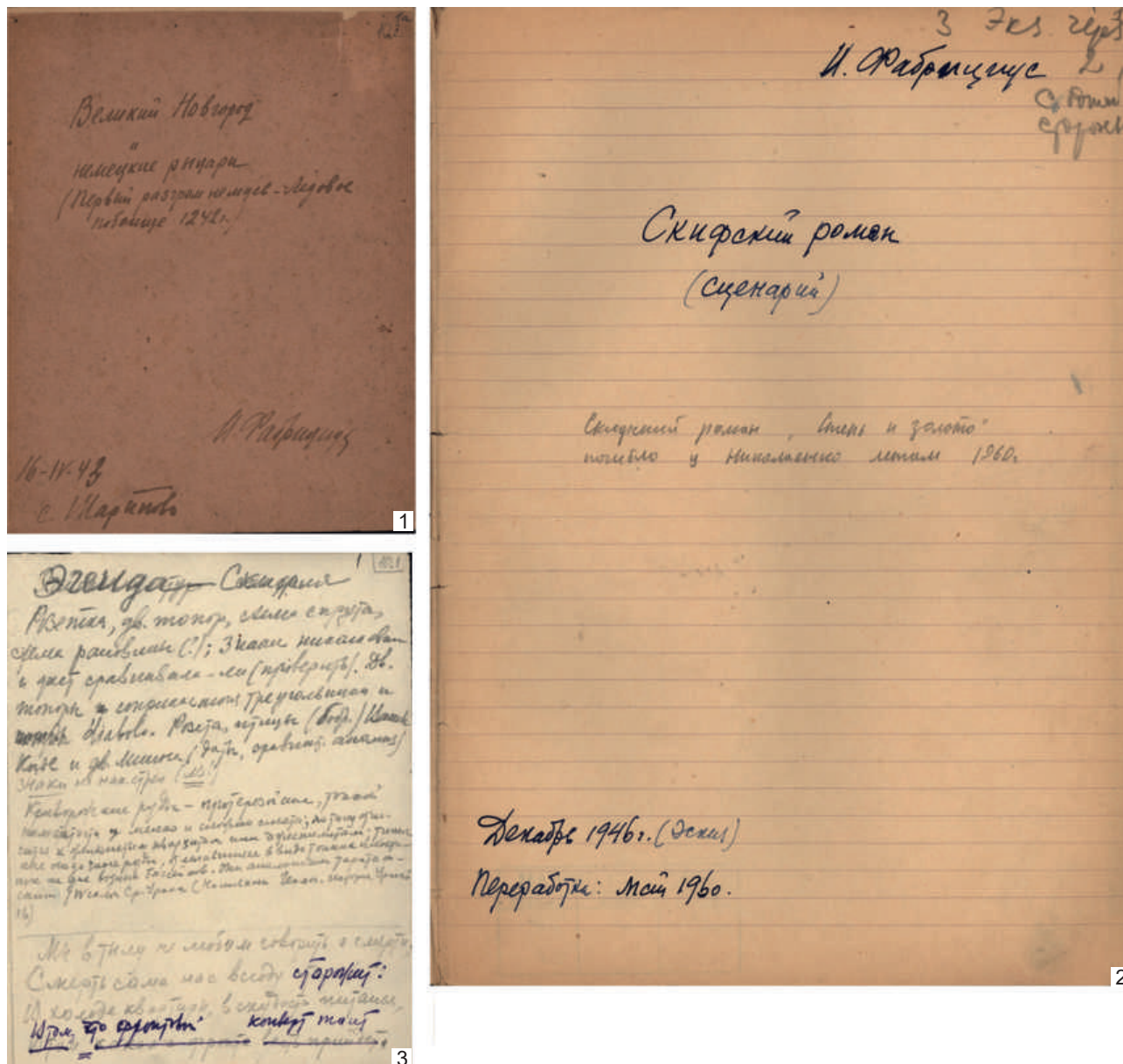

Рис. 1. Творческие материалы из фонда 61 И. В. Фабрициус в рукописном отделе НА ИИМК РАН: 1, 2 — обложки рукописей (1 — Оп. 1. Д. 69. Л. 1а; 2 — Оп. 1. Д. 70. Л. 1); 3 — заметки, начало стихотворения (Оп. 1. Д. 68)

Fig. 1. Creative documents from the archives 61 of I. V. Fabritsius kept in Manuscript Department of Scientific Archives of IHMC RAS: 1, 2 — covers of the manuscripts (1 — In. 1. F. 69. Sh. 1a; 2 — In. 1. F. 70. Sh. 1); 3 — notes, beginning of the poem (In. 1. F. 68)

в общественном сознании военного времени, «только брошюр о битве на льду Чудского озера исследователи насчитывают около двадцати двух, к ним добавляется масса публикаций как в прессе, так и научных журналах. Именно его образ чаще всего появляется на плакатах, открытках, повторяющих известные всем слова из довоенного фильма Эйзенштейна» (Земцова, 2021. С. 158). Ф. Б. Шенк, говоря о распространении цитаты «Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет!»

из заключительного монолога Александра Невского в фильме, отмечает, что она «представлялась начиная с 1941 г. как аутентичный исторический текст, ею украшали <...> плакаты... Эти слова были, по-видимому, как лозунг, глубоко укоренены в сознании красноармейцев и советского народа» (Шенк, 2007. С. 410).

Появляется эта фраза и в рукописи И. В. Фабрициус наряду с отсылкой к 700-летней годовщине победы на Чудском озере: «...мы —

русские, все народности Советского Союза с достойной гордостью вспоминаем о Ледовом побоище 1242 г., с любовью поминаем великого патриота Александра Ярославича Невского князя, и эти воспоминания служат нам еще одним из питающих нашу веру в победу источников. „Русь жива. Кто с мечом к нам войдет, — от меча погибнет“. На этих словах Невского 700 лет стояла наша Родина на том и стоять будет Советский Союз [зачеркнуто И. В. Фабрициус]» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 69. Л. 2).

С первой же страницы И. В. Фабрициус вторит заложенной в киношедевре С. М. Эйзенштейна аллегории, согласно которой под Новгородской Русью подразумевается Советский Союз, а под рыцарскими орденами — нацистская Германия: «Немцы хотят историю с ея [авт.] неумолимыми законами развития человеческого общества вернуть вспять, ко времени тех средневековых рыцарей, которых Маркс охарактеризовал как псов, захватывающих чужие владения, уничтожающих свободу во всяких ея [авт.] проявлениях, обращающих в рабство ту часть населения, которую они не нашли нужным уничтожить огнем, мечом виселицей, казнями» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 69. Л. 1).

Подчас в изложении И. В. Фабрициус исчезает какая бы то ни было хронологическая дистанция между средневековыми рыцарями и нацистами времен Второй мировой войны: «Таково было знаменитое немецкое боевое построение „свинья“ или по более деликатному „клин“, которыми так кичатся фашисты. Но свинья и останется свиньей, нагло лезущей к чужому корыту, подрывающею корни своего дуба Германии для того, чтобы нажраться желудей, не учитывая, что дуб может свалиться на ея же поганую голову и размножит ее» (Там же. Л. 9). Автор напрямую называет рыцарские ордена «тогдашними фашистами» (Там же. Л. 5): «Он — Гитлер — вытащил лохмотья истории, напялил их на себя с перефразированным лозунгом рыцарской идеологии» (Там же. Л. 13). Специфическое объединение двух эпох в одном тексте подчеркивается и описанием вооружения немецких рыцарей, которые называются «железно-техническими воинами» (Там же. Л. 9), «человеко-танками», «бронированным клином» (Там же. Л. 10). «Наши лучники сыпали немцев тучей стрел», — пишет И. В. Фабрициус (Там же. Л. 10).

Это совмещение отнюдь не удивительно, а скорее, наоборот, является отличительной тенденцией военного времени. Ф. Б. Шенк отмечает: «Едва ли в каком-либо произведении <...> об Александре

Невском, изданном между 1941 и 1945, отсутствуют указания на военные события настоящего времени <...> В апреле 1942 г. <...> были опубликованы статьи, посвященные 700-летней годовщине Ледового побоища. Рыцари Тевтонского ордена <...> все больше походили на солдат нацистской Германии» (Шенк, 2007. С. 404). Так, например, работа А. В. Новикова «В 1242», изданная в 1942 г., завершалась эмоциональным описанием трагической действительности: «Еще сидят фашисты в древнем Пскове, еще цепляются они за Новгород Великий» (Новиков, 1942. С. 46).

Сокращается дистанция и между автором и самим князем Александром Невским, он предстает фактически современником, вчера сошедшим с передовиц советских газет: «яркой звездой засияла личность юного новгородск. князя Александра Ярославича, показавшего пример высокого сознания своего патриотического долга [курсив мой. — В. К.], не считавшегося ни с семейными, ни с личными обидами в годину народного бедствия, отдавшего все свои таланты полководца, государственного деятеля и дипломата [курсив мой. — В. К.] на благо Родине» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 69. Л. 6); «Единогласно с вечем, с народной массой, сердцем учуявшей в Александре Ярославиче своего вождя и защитника от наглых чужеземцев, единодушно постановили просить Александра о возвращении в Новгород» (Там же. Л. 8).

Весьма показательным является и тот факт, что в характеристике древнерусского князя у И. В. Фабрициус прошедшее время вдруг сменяется настоящим: «Александр Невский не только полководец, грозным отпором, раздавливающий врага, не только горячий патриот, на зов которого откликается весь народ в минуту опасности. Он еще и мудрый политик, понимающий, что тогда не настало еще время освобождения братских славянских племен, что еще нет сил для продвижения в их западные от Новгорода территории [курсив мой. — В. К.]» (Там же. Л. 12).

Обо всем спектре чувств говорит и смешение стилей речи в рамках одной работы. Автор то срывается на яркие эмоционально окрашенные фразы, то возвращается к лаконичному академическому изложению, то обращается к героической риторике. Порой такое смешение происходит фактически в одном или соседних предложениях: «Непроходимые леса и болота не давали возможности оперирования конным ордам татар. К тому же сила первого удара, разрушившего сотни русских городов и сам Киев, тысячи сел, уже

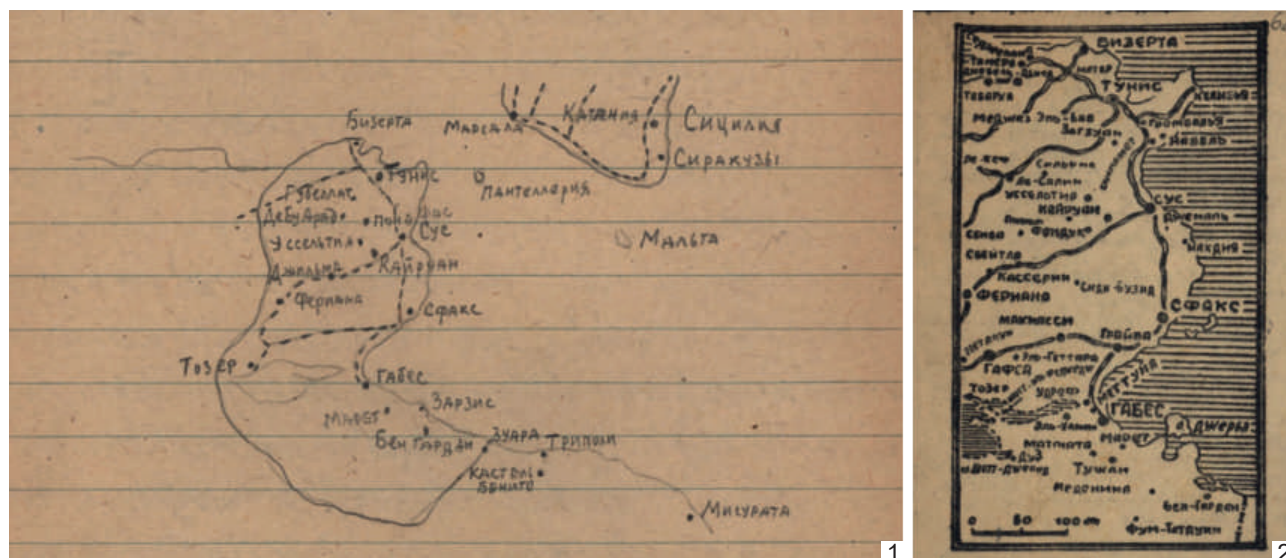

Рис. 2. Карты (1, 2), помещенные в рукопись «Великий Новгород и немецкие рыцари (Первый разгром немцев — Ледовое побоище 1242 г.)» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 69. Л. 6, 6а)

Fig. 2. Maps (1, 2) included in the manuscript *Veliky Novgorod and German knights (The first defeat of the Germans — The Ice Battle of 1242)* (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 61. In. 1. F. 69. Sh. 6, 6a)

ослабела; добычи было взято *вдосталь* для самого жадного ... — Тяжелая пора, страшные испытания [курсив мой. — В. К.]» (Там же. Л. 6).

Безусловно, весь текст написан в духе советских агитационных произведений военного времени, в нем автор дает выход своим боли и переживаниям, возможно, это был один из способов психологически справиться с невыносимыми тяготами 1941–1943 гг. Очевидно, эту же цель преследовали и написанные автором в 1944 г. стихи (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 68).

Примечательно, что в дальнейшем И. В. Фабрициус обращается к примерам из истории средневековой Руси для иллюстрации курса лекции «История и археология Скифии»: «Еще не разработан вопрос, почему Скифия времен Геродота не создала ничего подобного Боспорскому царству <...> почему скифы спохватились устраивать нечто подобное греко-туземной боспорской организации только, когда ей уже со всех сторон угрожала опасность. Докиевская история УССР показывает, что во времена, предшествующие слаганию Киевской Руси, разрозненные государственные славянские племена сначала пришли к союзу» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 13. Л. 32), а в обращении к читателям «Скифского романа» писала: «Скифия — как бы древний прообраз великой восточно-славянской державы» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 70. Л. 51).

Рукопись «Великий Новгород и немецкие рыцари» имеет одну интересную особенность. В нее вложена вырезанная из газеты карта Туниса, она же с дополнениями, включающими остров Мальта, перерисована карандашом И. В. Фабрициус на листе все той же тонкой тетради, фактически в центре повествования об Александре Невском (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 69. Л. 6, 6а) (рис. 2). Карта никак не связана с рукописью. Вероятно, это своего рода иллюстрация того, что даже в тяжелое время тайны побережья южных морей, подернутые флером античного мира, манили автора.

Интерес представляет и поэтическое наследие И. В. Фабрициус. Так, например, на небольшом листе друг за другом идут рабочие заметки с ключевыми словами и напоминаниями самой себе «сравнивала-ли (проверить)» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 68. Л. 1), два стихотворения, датированные 8 августа 1944 г. Одно из них создано под влиянием военного времени⁴:

*Мы в тылу не любим говорить о смерти,
Смерть сама нас всюду сторожит:
В холоде квартиры, в скудости питанья,
В том, что фронтовой конверт таит,
Переутомленье часто спать мешает,
И тогда владеет мыслями тоска.*

⁴ Орфография и пунктуация в стихах авторские.

«Долго нет известий; что-то будет завтра
Где ты, жизнь? Ведь смерть близка?»
А на утро встанешь, выйдешь на работу.
Радио победами гремит.
Труд мой не бесплоден. Письма завтра.
И опять о жизни всё мне говорит
(Там же. Л. 1).

Другое навеяно, вероятно, какой-то бытовой ситуацией и облечено в шуточные античные мотивы:

«Немврод-ли или Актеон
Злодейство совершил открыто?
Ведь в птичке той, что на столе,
Таилась нежная харита!»
— Какой Немврод или Актеон?
Какая нежная харита?
Иван Иванович Краснов!
А это — утка, им убита
(Там же. Л. 1).

Вероятно, чем-то повседневым было навеяно еще одно стихотворение (Там же. Л. 5) (рис. 3).

Далее следует несколько строф, о которых сложно сказать, составляют ли они одно поэтическое произведение или же отдельные (Там же. Л. 2–4). Сквозь них просто проходит общий мотив Аничкова моста. Однако меняется не только настроение лирического героя, который, видимо, идентичен автору, но и размер, которым написаны стихи.

В первой строфе описывается любование архитектурной красотой Ленинграда:

В прекрасном Ленинграде
Одно из лучших мест его — Аничков мост.
Четыре статуи, ажурная решетка,
Рисунок весь изящно четок, прост.

В другой читаются переживания, связанные с трагическими событиями Второй мировой войны:

Нас покорит полулюдей обезумевшая орда?
И неужели навсегда ушли из нашей жизни покой
И шумный праздник, мирный труд и красота?
Стою к решетке прислонившись. А сердце тоска и гнев.
Печален обнаженных манерно-стриженных деревьев ряд.
Их отражение рябит в воде холодной.
Иль то слеза непрошенно туманит взгляд?

Любопытным моментом является присутствующая стилизация под гекзаметр, хоть и не в полной мере удавшаяся:

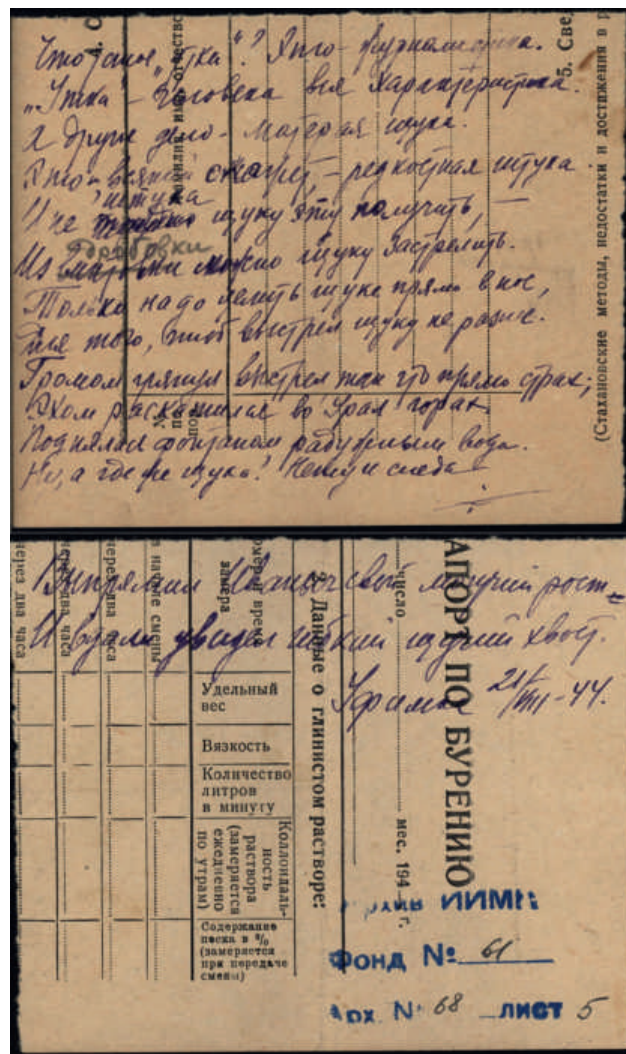

Рис. 3. Стихотворение И. В. Фабрициус (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 68. Л. 5)

Fig. 3. Poem by I. V. Fabritsius (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 61. In. 1. F. 68. Sh. 5)

Как из водной пучины явленные кони
Владыки морей Посейдона вздыбились вдруг
Над толпою. Всех истоптали б, все б разнесли
разыгранные (?⁵)
Если б не сила могучая юношей дивных
До предела напряжены к земле припадая.
Извиваясь на... [неразборчиво] узде от брыка головы
лошадиной;
Размеренно быстрым бегом следя порывистый
бег скакуна
Юноши те укротили коней стихийное буйство.
(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 68. Л. 2).

⁵ Последнее слово написано неразборчиво. — Примеч. В. К.

*Верь, недалек уже, скоро настанет день
неизбежной победы.*

*Снова возстанет в стройной своей красоте Ленинград.
И из надежных укрытий тогда извлекут
Статуи юношей дивных с конями
И снова ими украсят милый нам мост.
(Там же. Л. 4).*

Скифский роман, очевидно, представлял собой произведение в прозе и был озаглавлен «Степь и золото». Согласно карандашной надписи на обложке, рукопись погибла «у Николаенко летом 1960 г.» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 70. Л. 1). Представленный в материалах НА ИИМК сценарий мыслился автором как основа для фильма, в обращении к читателям «Скифского романа» читаем: «Мой эскиз — только эскиз, фабула фильма. К разработке сценария и речевой части фильма имело бы смысл приступить в том случае, если бы представилась практическая возможность постановки вместе с возможностью сочетать мастерство специалистов кинематографии с осведомленностью историка-археолога-скифоведа. А пока предлагаю свой „Скифский роман“ (эскизное заглавие!) для прочтения на досуге тем, кто пожелает, кто, быть может, выскажет и свое суждение о нем» (Там же. Л. 52).

Время действия обозначено автором как середина V в. до н. э., в качестве места действия фигурирует южная лесостепь, степь между Южным Бугом и Днепром, а также Ольвия. В основе произведения один из сюжетов «Истории» Геродота — повествование о скифском царе Скиле, причиной гибели которого оказалась его любовь к греческой культуре. Скифы, узнав о том, что царь их приносит жертвы богам по греческому обычаю и участвует в таинствах Вакха, восстали против него и казнили.

Небольшой эпизод, который у Геродота служит иллюстрацией приверженности скифов традициям, под пером И. В. Фабрициус превращается в основу развернутого действия, где есть место и придворным интригам, и любовной линии, и культурологическому аспекту — греко-скифским контактам. Относительно основной сюжетной линии автор последовательно идет за повествованием Геродота. Матерью Скила была гречанка, научившая его языку и письменности эллинов, царем он становится после того, как его отец Ариапиф был коварно убит Спаргапифом, правителем агафирсов, а после так называемого вероотступничества Скила во главе скифов оказывается его сводный брат Октамасад.

В материалах к «Скифскому роману» представлены выдержки из «Истории» (Там же. Л. 62–64), что не оставляет сомнений в том, на чем базировалось данное произведение. Кроме того, в предполагавшейся экранизации был запланирован и закадровый голос диктора, который зачитывает цитаты из Геродота (Там же. Л. 21). В тексте лекций И. В. Фабрициус отмечала: «Геродоту верить можно и должно, избегая навязываний ему всяческих „толкований“» (НА ИИМК. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 13. Л. 121).

Сценарий «Скифского романа» открывает описание образов и характеристика персонажей. Уже на этом этапе И. В. Фабрициус делает акцент на взаимодействии эллинского и варварского мира.

Так, Ариапиф — верховный царь всех племен Скифии — обозначен как «скиф-варвар. Великолепен в торжественных случаях; в обыденной жизни отличается от рядовых скифов только головным убором и роскошью оружия <...> Но не чуждается ни греческого вина, ни удобных и красивых в обиходе изделий греческого мастерства» (НА ИИМК. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 70. Л. 3).

В «Скифском романе» фигурируют три жены Ариапифа.

Елена — гречанка, уроженка колонии Истрия: «Из знатной семьи. Воспитана, образована в духе эллинских традиций и верна им <...> примиряется со скифским окружением, утешая себя эллинской литературой, музыкой, произведениями искусства и, главное, передачу эллинских вкусов и навыков единственному своему сыну Скилу» (Там же. Л. 4).

Ида — фракийская царевна, «варварка не без налета эллинизированного лоска <...> Неустанно интригует, натравливая ортодоксально-скифскую группу на эллинизированную, приближенную к Елене и Скилу» (Там же. Л. 4).

Опия — скифянка «из знатного скифского рода. Очень молода, почти девочка в начале действия. С сыном Ориком резва как старшая сестра. Позже заглядывается на красавца Скила; влюбляется в него. Взаимность Скила, ценящего в ней чуткость к эллинской красоте и простоте» (Там же. Л. 4).

В соответствии с повествованием от каждой жены у Ариапифа родился сын.

Скил — сын Ариапифа от Елены, «воспитанный мудрым старцем скифом Канитом <...> Все героическое увлекает Скила. С равным восторгом впитывает в себя и содержание греческих мифов, и сказания о божественном происхождении скифских царей, о победах в Малой Азии, о победе над Великим Дарием Персидским. Мать и Канит передают Скилу лучшее от себя, от своих верований

и убеждений. К зрелому возрасту (Скил гибнет едва достигнув 30 лет) последствия такого воспитания перерастают в мечту о приобщении скифов к достижениям эллинской культуры, в лишенное реальной основы мечтание о возможности сочетания культуры рабовладельческого общества с культурой племенного строя» (*Там же*. Л. 5, 6).

Октамасад — сын Ариапифа от Иды, «ортодоксальный скиф, привержен к старине до фанатизма, равного ненависти ко всему иноземному и в особенности — к греческому. Тупость, жесткость натуры сочетается с расчетом на поддержку <...> старо-скифских элементов» (*Там же*. Л. 6).

Орик — сын Ариапифа от Опии: «дитя, потом отрок. Игрушка матери и Скила. Комично копирует повадки воина-скифа» (*Там же*. Л. 6).

Помимо членов царской семьи в сценарии фигурирует ряд второстепенных персонажей, необходимых как для раскрытия характера основных действующих лиц, так и для динамики сюжета.

Канит — скиф, воспитатель Скила: «образцовый скиф. Прямой, храбрый, мудрый. Хранит исконные традиции Скифии <...> Признает кое-какие удобства эллинского уклада, но твердо убежден, что каждому свое и что скиф должен быть только скифом <...> Не придает особого значения намечающейся склонности Скила к эллинизму, считая: „молодо-зелено; переберется, будет хороший скифский царь“. К тому же Скил и его мать со своими приближенными скрывают то, что показалось бы Каниту слишком серьезным, потакая его страстишке к хорошему греческому вину» (*Там же*. Л. 7).

Тимн — грек, доверенный по делам Ариапифа, а позже Скила: «ольвиополит. Бывалый человек, ловкий делец <...> Хорошо владеет скифским языком и при случае, во время пребывания в Скифии, носит туземное платье» (*Там же*. Л. 8).

Леонид — грек знатный, ольвиополит, друг Скила, родственник Елены: «Посвящен в таинства Диониса, в которые вовлекает и Скила <...> В Скифии бывает на охоте, но держится в тесном кругу приближенных Елены» (*Там же*. Л. 7).

Спаргапиф — царь агафирсов, «варварский царек с замашками деспота» (*Там же*. Л. 9).

В соответствии с замыслом автора в романе также фигурируют многочисленные служанки и рабыни, воины, приближенные царей и цариц, дружинники, вожди-цари, жрецы и пр.

Даже при знакомстве с одной лишь характеристикой персонажей становится понятно, что И. В. Фабрициус обладала необычайно живым слогом, что, несомненно, придавало яркий

индивидуальный характер и ее научным трудам, но, вероятно, порой коллегам казалось чрезмерным. Столь же ярко выраженная эмоциональность проявлялась и в произведениях эпистолярного жанра. Вне рамок данной статьи находится обзор писем из фонда Ф. 61, однако на некоторых моментах, важных для понимания авторского стиля, я бы хотела сделать акценты.

В письме от филолога-классика А. А. Белецкого читаем следующее обращение к И. В. Фабрициус: «Я с удовольствием прочел Вашу статью, написанную в резком полемическом тоне <...> Мне кажется, что в том случае, если бы Вы пожелали несколько „нейтрализовать“ слог в смысле научного беспристрастия, то Вашу статью согласились бы напечатать такие органы, как, напр. „Советская археология“ или „Вестник древней истории“» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 51. Л. 1). Вероятно, в ответ И. В. Фабрициус писала: «Моя „Скифия и племена ее населявшие“ остается незаконченной. Работа над ней давно стала, замороженная П. П. Ефименко. Я стара для борьбы с этим палеолитическим явлением в археологии УССР <...> Что касается опубликования „Отвела душу“, то об этом я не хочу и думать. Именно в том, что мне не нужно больше считаться ни с какими редколлегиями артамоновского, киселевского, граковского и т. д. и т. д. [неразборчиво] включает возможность равновесия, сознания, что я опять нашла себя» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 49. Л. 2).

Возвращаясь к сценарию «Скифского романа», стоит отметить, что, несмотря на заявленную эскизность, И. В. Фабрициус продумала как оформление сцен, так и предметную составляющую произведения. Заявленные элементы должны были работать на создание необходимого визуального ряда и антуража. В описании площадки перед кибиткой Ариапифа фигурируют «низкие столики для подачи угощения. Драгоценная и рядовая посуда, амфоры с вином, жаровни, котлы для мяса. Миски, блюда, местной и греческой работы» (НА ИИМК. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 70. Л. 16). При описании погребения Ариапифа И. В. Фабрициус отмечает, что подножие кургана «опоясывает кольцо из пятидесяти мертвых воинов на мертвых конях» (*Там же*. Л. 21).

Кроме того, предметный мир подчеркивает дихотомию «эллины — скифы», очевидно, мыслившуюся автором как центральная идея романа. Вещи «работают» на то, чтобы показать взаимодействие двух культур, и на то, чтобы подчеркнуть несовместимость миров. Определенный

психологизм автор пыталась передать и через характеристику костюма. Так, например, Скил обрисован красивым, ловким, элегантным, предпочитающим «вышивки, меха, тонкость выделки и изящество покроя варварскому обилию золота, отличающему парадный скифский костюм» (*Там же*. Л. 6), а грубый и замкнутый Октамасад, который «силен по-медвежьи», предстает одетым «пышно по-скифски, „кожаный с золотом“; всегда при оружии с нагайкою» (*Там же*. Л. 7).

Показательна одна из сцен второго действия, где Скил примеряет оружие греческого образца, а его сводный брат в ответ на увиденное раздражается гневной тирадой: «За это чужеземное оружие, применение которого позорит скифов, отдавать рабочую силу, нужную в хозяйстве, или сдавать в наемников наших доблестных воинов, ослабляя тем боевую мощь Скифии — это безрассудное легкомыслие. Более того — это кощунство, отступничество от веры предков, потому что на облюбленных тобою, Скил, вещах имеются бесстыдные, противные нашим божествам изображения греческих богов и богинь. И ты, Скил, становишься отступником, изменником всему тому, чем сильна Скифия, за побрякушки лстивых греков пренебрегая всем тем, на чем держится мощь и независимость скифов: избегать заимствований всего иноземного, а в особенности греческого» (*Там же*. Л. 18).

Столкновение культур показано и через соперничество двух братьев в борьбе за сердце Опии. В одной из сцен Скил и Октамасад видят ее в греческом платье. Первый из них восхищен: «Явствена зарождающаяся между ним и Опией любовь» (*Там же*. Л. 20), второй «вспыхивает гневом» (*Там же*. Л. 21).

Показательна фигура торговца Тимна, который выступает своего рода посредником между двумя культурами. В своей речи, адресованной скифскому царю Ариапифу, он описывает предлагаемые им товары и восхваляет ремесленников Скифии, таким образом, предметный мир выступает как своего рода связующее звено между миром эллинов и варваров: «Твои храбрые воины, отдаваемые тобою в наемники, служат охраною великих Афин. Всему миру известны прекрасные меха, известны качества лучшей в мире бобровой струи, добываемых жителями подвластных тебе лесных областей. Кожи так прекрасно выделывают в Скифии, сшитая из них обувь так хороша, что даже знатные щеголихи Греции носят так называемые скифянки. Заказами твоих жен, младших царей и знатных людей Скифии загружены мастерские Ольвии» (*Там же*. Л. 17).

Даже имя этого персонажа И. В. Фабрициус позаимствовала у Геродота. В конспектах своих лекций она отмечает: «...есть серьезные основания предполагать, что Геродот лично посетил Причерноморье, побывав в Ольвии. Имеется такое его указание: „слышал от Тимна“, то есть от грека „поверенного царя Ариапифа“. Естественно, что встреча с Тимном произошла в Ольвии. Если это было даже и не так, то люди подобные Тимну — доверенные скифских царей и крупных вельмож [—] все же послужили Геродоту источником из первых рук. Независимо оттого в Ольвии или в Греции произошла встреча и разговор» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 13. Л. 120, 121).

И. В. Фабрициус останавливается также на описании природы, что, очевидно, должно создать определенное настроение у зрителя и подчеркнуть внутреннее напряжение в той или иной сцене. В прологе, например, указана, «ковыльная степь. На среднем плане курган, в отдалении еще 2–3. Семейство сусликов расположилось на переднем плане и безбоязненно живет своей маленькой жизнью» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 70. Л. 1). После того как проносится лавина скифских всадников, «ковыль примят, клубы пыли... появляется суслик, откапывающий засыпанный вход в нору» (*Там же*. Л. 1). Дважды в романе фигурирует гроза, разразившаяся во время пиршества, ее молнии приводят к пожару, а на символическом уровне это природное явление знаменует грядущие несчастья — смерть Ариапифа: «Яркая молния и сильный удар грома: в столь необычное время — дурное предзнаменование» (*Там же*. Л. 16), а затем — гибель Скила: «Разыгрывается гроза. Удар молнии. Дворец [Скила в Ольвии. — В. К.] загорается» (*Там же*. Л. 23).

Произведение пронизано совершенно искренним очарованием скифской культурой. К примеру, репликам Октамасада и Канита уделено куда больше внимания, чем словам Скила. Та же ситуация имеет место и в описаниях ставок скифов и Ольвии. В обращении к читателям «Скифского романа» И. В. Фабрициус отмечала: «Несправедливо скомкан в наших учебниках скифский период истории СССР <...> Поэтому показ этой наиболее выразительной страницы нашей древней истории в наиболее доходчивой форме — на киноэкране [—] представляется имеющим и смысл, и значение» (*Там же*. Л. 51).

Заключительный кадр фильма мыслится автору следующим образом: «Руки археолога, держащие перстень, на щитке которого надпись по-гречески „Скил“. Диктор: „Кольцо это не так

давно найдено было в Приднестровье. Не ты ли, несчастный Скил, уронил его в свой смертный час?» (Там же. Л. 28).

«Скифский роман» представляет собой своего рода художественное осмысление тех научных вопросов, которые интересовали И. В. Фабрициус. В целом творческий блок материалов фонда 61

рукописного отдела НА ИИМК РАН, несмотря на некоторую разнородность и разрозненность, фактически является отражением биографии И. В. Фабрициус, в нем воплотились и ее научные интересы, и трагические исторические события, через которые пришлось пройти исследователю, и особенности личности автора.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 13: И. В. Фабрициус. Курс лекций в Киевском ун-те «История и археология Скифии»; Д. 49: Письмо И. В. Фабрициус А. А. Белецкому; Д. 51: Письма И. В. Фабрициус от А. А. Белецкого. 1951 г.; Д. 68: И. В. Фабрициус. Стихотворения. Черновики; Д. 69: И. В. Фабрициус. Рукопись «Великий Новгород и немецкие рыцари (Первый разгром немцев — Ледовое побоище 1242 г.)»; Д. 70: И. В. Фабрициус. Рукопись «Скифский роман» (Сценарий). Приложение: обращение автора к читателям.

Земцова, 2021 — Земцова И. В. Объединяющие символы в общественном сознании военного

времени // Исторический путь России: из прошлого в будущее: Материалы междунар. науч. конф. В 3 т. Санкт-Петербург, 2 апреля 2021 года / Под ред. С. И. Бугашева, А. С. Минина. Т. 1. СПб.: С.-Петербургский гос. ун-т промышленных технологий и дизайна, 2021. С. 155–160.

Новиков, 1942 — Новиков А. В. В 1242 году. М.: Правда, 1942 (Библиотека «Огонек»; № 38). 46 с.

Шенк, 2007 — Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / Авторизованный перевод с нем. Е. Земской, М. Лавринович. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 592 с.

Scythian Romance by I. V. Fabritsius: creative documents from the private archives of the researcher

V. N. Kuznetsova ⁶

Keywords: I. V. Fabritsius, creative heritage, Second World War, Herodotus, archive documents, Scythian Romance, Alexander of Neva.

The paper presents creative documents from the private archives of Irina V. Fabritsius. Among the documents there are fragments of a poem and the manuscript “Veliky Novgorod and German knights (The first defeat of the Germans — The Ice Battle of 1242)”, as well as “A Scythian Romance” (scenario) (Scientific Archives of IHMC RAS. Manuscript Department). These compositions have reflected the scientific interests of I. V. Fabritsius, her emotional experience concerned with the tragic events of the Second World War and the vivid lively style of the author.

⁶ Valentina N. Kuznetsova — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: valentkuznets@mail.ru.